

УДК 343.9

«ВОРЫ В ЗАКОНЕ» В СССР И РОССИИ

«THIEVES IN LAW» IN THE USSR AND RUSSIA

Кузьмин Андрей Валентинович,

подполковник милиции в отставке

Ключевые слова:

«вор в законе», преступность, лидер, криминальный мир, статус, нелегальная деятельность.

В статье автор рассматривает такую категорию преступного мира, как «воры в законе». Отмечается, что данные лица впервые появились в СССР в 20-е годы XX века и на протяжении своего существования представляли особую общественную опасность, так как организовывали совершение тяжких и особо тяжких преступлений, являлись координаторами преступного мира. Акцентируется внимание на том, что современные «воры в законе» не ограничиваются своим влиянием в рамках исправительных учреждений. Они активно внедряются в теневой сектор рынка, в легальную экономическую деятельность, что позволяет их считать значимыми объектами криминологического воздействия.

Keywords:

«thief in law», crime, leader, criminal world, status, illegal activity.

In the article the author considers such category of the criminal world as «thieves in law». It is noted that for the first time these persons appeared in the USSR in the 20-s of the XX century and throughout its existence they represented a special public danger, committed grave and especially grave crimes being the coordinators of the criminal world. Attention is focused on the fact that contemporary «thieves in law» are not restricted in their influence within correctional institutions. They actively penetrate the shadow sector of the market, legal economic activity, which allows them to be considered significant objects of criminological influence.

Преступность является спутником развития и существования любого государства. Несмотря на предпринимаемые государствами меры по борьбе с преступностью, полностью искоренить это явление невозможно. Одним из наиболее общественно опасных видов преступности выступает профессиональная преступность, которая означает, что образом жизни и источником существования отдельных лиц является систематическое совершение преступлений. Особое место в системе профессиональной преступности занимают лица, именуемые «ворами в законе».

«Воры в законе» относятся к элите криминального мира, обладая большим авторитетом в данной сфере. Сфера власти «воров в законе» не ограничивается стенами учреждений исполнения наказания. Они оказывают влияние не только на представителей преступной среды, но и на частные и государственные организации. Обладая большим авторитетом, эти лица активно внедряются во многие сферы общественной жизни, организуют и контролируют незаконный оборот наркотиков и оружия, проституцию, сферы оказания услуг, средний и малый бизнес. «Воры в законе» принимают участие в разрешении гражданско-правовых споров граждан и хозяйствующих субъектов. По «законам» организованной преступности живет значительная часть населения, в том числе и осужденные [3].

Широкую известность и гласность «воры в законе» получили в период распада СССР в 90-е годы XX века. Смена государственного режима, формы экономики, ослабление деятельности правоохранительных органов и другие факторы создали идеальную среду для их активизации, поэтому в это время деятельность «воров в законе» достигла пиковой активности. Такие имена, как Вячеслав Иваньков («Япончик»), Владимир Тюрин («Тюрик»), Аслан Усоян («Дед Хасан»), Гафур Рахимов, Гия Дангадзе («Ферзула»), Вахтанг Кардава («Вахо»), Алик Миналян («Алик Сочинский»), Артем Демуров («Артюша») и другие известны даже обычным гражданам, не говоря о сотрудниках правоохранительных ведомств. По настоящее время в СМИ появляются сюжеты про преступную биографию перечисленных лиц. Образы реально существующих «воров в законе» нередко встречаются в криминальной литературе.

Вместе с тем, «воры в законе» не являются новым явлением в преступном мире. Их появление связывается с 20-ми годами XX века, когда в числе преступников стали появляться лица, именуемые «Иванами» или «казаками» (название менялось в зависимости от места нахождения тюрьмы или каторги). Находясь в местах отбытия наказания, эти лица зарабатывали свой авторитет тем, что заступались и отстаивали интересы заключенных перед руководством исправительных учреждений. «Иваны» и «казаки» хорошо ориентировались в законах, что помогало им отстаивать свои интересы в различных инстанциях, препятствовать деятельности правоохранительных ведомств, избегать наказания. Если же добиться целей законными способами они не могли, то шли на конфликты

с милицией и властью. Не боялись «Иваны» конфликтовать и с администрацией исправительных учреждений, невзирая на наказания, применяемые к ним руководителями тюрем, каторг. Обладая особым статусом, «Иваны», находясь на каторге, сами периодически выступали в роли законодателей, судей и исполнителей при решении локальных вопросов в местах заключения. Приговор, вынесенный ими в отношении осужденных, был обязателен для исполнения. То есть эти лица представляли некую «теневую систему правосудия», которая функционировала наряду с государственной.

Находясь на свободе, «Иваны» руководили организованными преступными группами, совершающими тяжкие и особо тяжкие преступления. Одной из особо жестоких групп того времени являлась банда, которой руководил И.М. Сафонов («Сабан»). Его банда совершала разбойные нападения и убийства в Москве. Банда состояла из 30 человек, имела высокую сплоченность и организованность. В нее входили ранее судимые лица и бывшие белогвардейцы. Все члены банды были хорошо вооружены. Самым громким преступлением банды считалось убийство в январе 1919 года шестнадцати постовых милиционеров.

«Иваны» жили по негласным правилам: отказ от труда и общественной работы, сбор дани с работающих осужденных, создание «общего котла» («общака»), решение сходов и наказание провинившихся. «Иванам» запрещалось брать оружие в руки, выступать свидетелем или потерпевшим. Кроме того, «Иваны» не могли иметь семьи, что исключало возможность какого-либо воздействия на их деятельность через жен или детей. Лица, которые выступали носителями этих правил, стали впоследствии именоваться «ворами в законе».

Период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. оказался переломным для криминальной среды. Часть воров, отбывающих наказание в виде лишения свободы, приняли решение встать на защиту Родины, тем самым нарушив воровской закон, так как взяли в руки оружие и стали сотрудничать с властями. Наряду с участием в боевых действиях «воры в законе» не отказывались от своей привычной деятельности (например, успешно организовывали взломы продовольственных складов, находящихся как в тылу, так и на стороне противника).

Ушедшие на фронт из числа воров автоматически становились в глазах их товарищей в лагерях «ссученными». «Сука» – существо, презираемое и ненавидимое «законными ворами». «Он ссучился», то есть изменил «воровскому закону» и пошел в услужение лагерному начальству. По мнению воров, отказавшихся участвовать в военных действиях, они ничем не отличались от охранявших их «вертухаев». Ведь и те, и другие дали присягу, надели форму и служили государству с оружием в руках. Воры, не участвовавшие в войне, считали, что побывавшие на фронте воры, пойдя на сотрудничество с властью, предали блатные

идеи. Они называли участвовавших в боях заключенных «автоматчиками», «военщиной» или «польскими ворами», объявив их по своим понятиям «суками».

Несмотря на это, «суки» продолжали себя считать ворами и придерживались «воровских законов», за исключением запрета на сотрудничество с администрацией лагеря. «Суки» по «воровскому закону» подлежали истреблению, что и осуществлялось на практике. Однако вследствие массовости этого явления стали появляться зоны, где среди уголовников властвовали «суки», которые, в свою очередь, начали истреблять воров. При этом «суки» преследовали цель путем страшных мучений подчинить врага своей идее, заставить отказаться от своего прошлого, встать на сторону «сук». Кровавое пролитие приняло такие масштабы, что «старые» воры были вынуждены изменить свой кодекс, чтобы остаться в живых. После многочисленных переговоров они сошлись на исключении из правил, признав службу по защите Родины исключением во время войны. Воры, защищавшие Отечество, имели право становиться бригадирами и парикмахерами в исправительно-трудовых учреждениях.

За время войны и в послевоенный ее период «воровской закон» окончательно перестает быть внутренним «законом воровской общины». Нормы этого закона полностью распространились на всех осужденных и стали носить неукоснительный характер. В послевоенные годы вышел указ «воровского закона» для заключенных, содержащихся в местах заключения: каждый заключенный должен был вносить в воровскую кассу 25% своей зарплаты; заключенные, получающие от родственников посылки, обязаны приносить воровам 50% от содержания посылок. Шерстяные личные вещи заключенных по первому требованию должны отдаваться «ворам в законе». Заведующие и повара обязаны самые лучшие продукты отдавать воровам; врачи и фельдшера, должны выделять для воров медикаменты с содержанием наркотиков; все заключенные обязаны выполнять любое требование воров. В случае неподчинения воровскому закону осужденные приговариваются к смертной казни. Этот закон больше всего ударил по основной массе тюремно-лагерного населения, которую составляли так называемые «мужики» (лица, не являющиеся профессиональными преступниками, как правило, отбывающие наказание впервые). В связи с этим в некоторых исправительно-трудовых лагерях произошли открытые выступления «мужиков» против «воров в законе». Отдельные группировки «мужиков» встали на путь активного противодействия воровам и их законам.

В связи с возросшей в 1970-х годах в высших эшелонах власти коррупцией по всей стране стали возникать подпольные предприятия, «расплодившие» спекулянтов, взяточников и расхитителей. Имея доступ к дефициту и его распределению, мошенники различного уровня наживали большие состояния, что, безусловно, не ускользнуло от внимания «воров в законе», которые не упустили возможности этим воспользоваться. В результате криминальные авторитеты

получили гарантированные источники дохода за счет нечестно живущих спекулянтов, а те стали прикрываться ими от конкурентов и других преступников. Такое сотрудничество было выгодно обеим сторонам. Многие воровские авторитеты, соблазненные большими доходами при минимальном риске, отошли от прежних правил и обычаев и стали жить за счет «цеховиков» и коммерсантов. А чтобы закрепить свои позиции, подтянули к себе через идею «воровского братства» молодых уличных авторитетов. В результате этого в преступной среде очень быстро образовались влиятельные «воровские кланы», во главе которых стояли «воры в законе».

Особенно это явление распространилось в Грузии, где стали возрождаться в больших количествах воровские сообщества. Причем «новые воры» воспользовались не только термином «вор в законе», но и частично приняли идеологию «законников» прошлых лет. Им также разрешалось жить на свободе за счет воровства, но запрещалось вмешиваться в политику, служить в армии и работать. Однако появились и новшества: ворам разрешалось иметь семью и собственность, а также контактировать с представителями власти в тех случаях, когда это шло на пользу воровскому сообществу. Под этим подразумевалась не работа на органы, что считалось неприемлемым, а подкуп и использование представителей власти в своих целях. В местах заключения «законники» работать не имели права, но им разрешалось числиться в рабочих бригадах с условием, что работу за них будут выполнять другие. Ворами нельзя было без свидетелей разговаривать с сотрудниками и руководителями исправительных учреждений, воры презирали наркоманов.

Процесс демократизации общества, новая экономическая политика СССР конца 80-х – начала 90-х годов XX века отразились также на содержании «воровских законов». В этот период лидеры криминальных сообществ приняли решение о законном участии в коммерческой деятельности, приватизации собственности, рациональном использовании средств «общака», организации коммерческих банков и финансовых групп. Окончательно узаконился прием в общество лиц, не соответствующих «званию вора» по формальным критериям, однако имеющих возможность принести сообществу материальную либо иную выгоду. Подобное характерно для республик Закавказья и Средней Азии. Здесь впервые становятся известными случаи приобретения звание «вора в законе» за деньги. «Новые воры в законе» могли получить право так называться, не имея «заслуг» (судимость, отбытие определенного срока наказания). Присваивая «высший воровской титул», воры руководствовались соображениями «полезности» для уголовной среды, преследуя лишь корыстные цели, не принимая во внимание традиционные установки. Воров, купивших свой статус за деньги, называли «мандаринами». Однако, несмотря на некоторые тенденции в обретении статуса, главный критерий – преданность «воровскому сообществу» – остался обязательным.

«Сообщество воров» все более тесно стало смыкаться с организованной преступностью в сфере экономики. Воровские директивы («постановочные письма») стали рассылаться тюремной почтой в качестве программы действий всех осужденных, поддерживающих «политику воров». Как правило, такие письма подписывались не одним, а группой воров. Интересы «воровских общин» начинали лоббироваться коррумпированными депутатами и чиновниками на всех уровнях законодательной и исполнительной власти. «Воры в законе», «цеховики» и «продажная бюрократия» нашли друг друга в организованной преступности. Новый «воровской» закон разрешил устанавливать контакты с сотрудниками правоохранительных органов. В преступной среде «ворами» был выдвинут лозунг: «на подкуп работников правоохранительных органов денег не жалеть». В этих целях активно началось использование средств «общака», который контролировали «воры в законе». По настоящее время одним из критериев отнесения лица к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, относится факт сбора денежных средств на определенной территории (города, районы, области, края) [1].

Развал экономики в 1990-е годы и обнищание основной части населения привели к всплеску преступности и, следовательно, к образованию различных бандитских группировок, создававших конкуренцию криминальной среде и ее лидерам. Убийства, грабежи, вымогательства, похищение людей, совершаемые бандитами, заставляли криминальную среду ввязываться в борьбу с ними. При этом, несмотря на свои обычаи, «ворам в законе» приходилось пользоваться методами бандитских группировок, чтобы не погибнуть во время столкновений за сферы влияния.

Если в начале борьбы и дележа доходных мест лидеры преступных групп и сообществ не воспринимали «воров в законе», то в дальнейшем пытались с ними говорить не только голосом силы и оружия. Они прекрасно понимали русскую пословицу «от сумы да от тюрьмы не зарекайся», осознавая авторитет воров в местах лишения свободы. Видимо, по этой причине некоторые преступные авторитеты старались приблизить к себе лиц из круга воров. Например, В.В. Кирпичев («Кирпич») входил в ближнее кружение лидера «Малышевской» ОПГ А.И. Малышева, С.И. Алексеенко («Блин»), судимый за тяжкие преступления, входил в ближайшее окружение В.С. Кумарина, являвшегося лидером «Тамбовской» ОПГ.

Для «новых воров в законе» стали приемлемы новые формы преступной деятельности (заказные убийства, взрывы конкурентов, шантаж, вымогательство, истязание и пытки жертв, мошенничество в банковской сфере, содержание детективных и охранных агентств в своих интересах и многое другое). Они могли проживать в роскоши, иметь счета в банках и заниматься бизнесом. Основные противоречия между «старыми» и «новыми» ворами ломали

основы «воровских заповедей и правил», приводили к войнам между воровскими кланами. В образовавшейся «новой демократии» лица, ранее судимые, получили разрешение на оформление заграничных паспортов и выезды за границу России. Это дало возможность тут же приобщиться к транснациональному наркобизнесу и создавать совместные зарубежные предприятия, предназначенные для легализации денежных средств, добытых преступным путем.

Для «новых воров» стало возможным и даже желательным сотрудничество с правоохранительными органами для решения своих задач (ликвидация соперничающей группировки, «сдача» вора, нарушившего «воровской обычай» и так далее). «Старым ворам» это было запрещено под страхом смерти. При этом «воры в законе» подкупали не только рядовых сотрудников, но и в отдельных случаях высших руководителей ведомств. В качестве примера можно привести информацию, опубликованную в СМИ, об осуждении в 2018 году бывшего первого заместителя начальника Московского управления Следственного комитета России генерал-майора юстиции Д. Никандрова и иных высокопоставленных сотрудников этого ведомства в связи с получением взятки от «вора в законе» З.К. Калашова («Шакро молодой») за непривлечение к уголовной ответственности криминального авторитета А. Кочуйкова («Итальянец») [2].

Подводя итоги, отметим, что в период с 20-х до 70-х годов XX века «воры в законе» оказывали свое влияние в основном на территории исправительных учреждений. Находясь на свободе, они занимались совершением общеуголовных преступлений. Начиная с 1970-х годов, «воры в законе» стали активно внедряться в экономику, контролируя в основном ее теневой сектор. С начала 1990-х годов и по настоящее время их деятельность приобрела транснациональный характер и стала ассоциироваться не только с незаконными способами заработка денег, но и с легальным получением дохода посредством осуществления законной коммерческой деятельности. Активная работа правоохранительных органов в отношении «воров в законе» существенно снижает их криминальную активность, однако «воры в законе» должны по-прежнему выступать особыми объектами профилактического воздействия.

Библиографический список

1. Медведев, И.А. К вопросу об актуальных мерах уголовно-правового противодействия организованной преступности / И.А. Медведев, С.М. Мальков // Проблемы изучения и противодействия организованной преступности: материалы Всероссийского круглого стола (20 февраля 2015 года) / отв. ред. Е.Н. Рахманова. – СПб: ИД «Петрополис», 2015.
2. Следственные генералы сдают друг друга // Коммерсантъ. – Выпуск № 1470т 17.08.2018. – с. 1.
3. Шеслер, А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... док. юрид. наук / А.В. Шеслер. – Екатеринбург, 2000.